

Ксана

Редкая специя

Чтобы вернуться домой, ей нужно найти то,
что изменило её судьбу

Ксана

Редкая специя

«Автор»

2026

Ксана

Редкая специя / Ксана — «Автор», 2026

У главной героини всегда всё под контролем. Было под контролем. Ровно до того момента, пока пространственный сдвиг не забросил её в дремучее средневековое Оквении. Сможет ли она выжить в новых условиях и вернуться домой? Ведь чтобы спастись, необходимо понять, как она оказалась в этом мире, а до этого момента — ещё и выжить под круглосуточной осадой сурового инквизитора. Какие навыки ей помогут решать возникающие проблемы и вопросы в мире, о котором она ранее ничего не знала? Как она будет выпутываться из сложных ситуаций? Это и многое другое можно узнать - прочитав, данную книгу.

© Ксана, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последний капучино	5
Глава 2. Сосисочный эквивалент	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ксана

Редкая специя

Глава 1. Последний капучино

В бизнесе, как и в хорошем эспрессо, важна правильная экстракция: нужно вовремя выжать максимум и не допустить горечи. Если передержать воду в кофейной таблетке дольше двадцати семи секунд, напиток начнет отдавать дешевой полынью и жженым деревом. Если поторопиться и выключить пролив на двадцатой — получится кислая, невыразительная бурда, недостойная даже привокзального автомата.

Я точно знаю, как поймать эти идеальные двадцать семь секунд. В жизни, впрочем, тоже.

— Лия Максимовна, я всё по весам делал, честное слово! Восемнадцать с половиной грамм в корзине, тридцать семь грамм на выходе.

Лео, мой старший бариста, виновато шмыгает носом и поправляет съехавший набок фирменный фартук из плотной темно-зелёной саржи. На его предплечье красуется свежая татуировка в виде кофейной ветви, которой он очень гордится.

— Наверное, жернова прогрелись, и помол ушёл.

— Помол не уходит сам по себе, Лео. Ему помогают наши лень и невнимательность.

Я мягко, но настойчиво забираю у девятнадцатилетнего студента тяжелый металлический темпер с рукоятью из полированного ореха.

— Смотри на манометр. Давление прыгнуло до десяти бар, потому что ты затрамбовал кофе намертво. Рука должна идти строго перпендикулярно корзине, без перекосов. Держи локоть ровно, делай мягкое усилие всем телом — и готово. Соберись, Лео. У нас сегодня техническое открытие и мы обязаны быть на высоте...

Лео покорно кивает и принимается протирать холдер чистой микрофиброй. Я окидываю взглядом залитый мягким светом зал кофейни «Арома-Спейс» и чувствую, как идеальный порядок вокруг мгновенно вернул мне чувство контроля и уверенности.

Всё выглядит безупречно. Двенадцать массивных столиков из светлого ясеня, идеальный инстаграмный свет от дизайнерских латунных светильников, мягкие кресла цвета обожженной глины манят отдохнуть, а изысканный кофейный аромат так приятно заполняет пространство, что пройти мимо кофейни просто невозможно. В зале присутствуют полки, на которых выставлен мерч: термокружки, матовые пачки с кофе из Эфиопии и Колумбии, а также стильные открытки.

Свой бизнес я выстроила с нуля. К двадцати шести годам превратилась из бариста-одиночки, варившего кофе в коморке три на три метра, во владелицу узнаваемой городской сети кофеен. Мой секрет успеха слишком скучен для творческих натур — я просто презираю хаос. Я не верю в магические ритуалы, вдохновение, музу или предпринимательское чутье. Верю только в то, что на самом деле работает: воронки продаж, оптимальная логистика, хороший и качественный кофе и просчет рисков. Если у тебя сходятся данные в таблицах в отчетах и склад автоматизирован и в целом порядок, дело пойдет. Другого пути нет.

Я одергиваю лацкан бежевого брючного костюма и подхожу к панорамному окну. Стекло идеальной чистоты казалось невидимым. В нем отражалась высокая, стройная девушка с четкими скулами, темными волосами, аккуратно убранными в пучок и со слегка холодными внимательными карими глазами. В деловых кругах меня считают излишне жесткой в переговорах, не склонной к гибкости. Партнеры по поставкам знают: Лия Максимовна всегда выжмет лучшую скидку, проверит каждую накладную и все мешки с кофе перевешивает до грамма. Есть ли у меня личная жизнь? Нет, она никак не уместается в моем ежедневнике. Серьезные отноше-

ния требуют массу времени, взаимных уступок и душевных сил. Моей главной и единственной любовью является моя кофейная империя, которая сегодня сделала ещё один шаг вперед.

Я отвожу взгляд от окна. Часы на стене показывают восемь вечера. Последние клиенты покинули кофейню. В зале тишина и легкий гул от работающих холодильников. Наш кассир Аня, пересчитывая выручку и заполняя кассовый отчёт, поднимает глаза и смотрит на меня:

— Лия Максимовна, кассу закрывать?

— Да, Анечка, закрывай смену, снимай Z-отчёт. Лео, промой группу и не забудь почистить капучинатор. Завтра утром будет проверка от арендодателя, все должно блеснуть как зеркало, чтобы видно было отражение и даже можно было бы красить губы.

Отдав последние распоряжения, направляюсь в свой небольшой, но функциональный, кабинет, который располагается в бэк-зоне. Здесь царит культ порядка: папки с договорами стоят строго по алфавиту, на стене висит маркерная доска с целями на квартал, а на рабочем столе из темного стекла лежат только ультрабук, беспроводная мышь, пустой блокнот-планинг и дорогая перьевая ручка в кожаной подставке.

Я опускаюсь в кожаное кресло и с удовольствием закрываю глаза. Гудящая усталость в теле кажется самой приятной наградой за тяжелый день. Мы сделали это. Новая флагманская точка запустилась идеально, техническое открытие прошло без сбоев, а касса первого дня показала отличную выручку. Наконец-то можно выдохнуть и позволить себе непозволительную роскошь — целых пять минут просто сидеть и ни о чем не думать.

В дверь кабинета негромко, но настойчиво стучат.

— Лия Максимовна, извините, можно?

В проеме показывается взъерошенная голова Лео.

— Тут курьер из логистической компании. Доставил ту самую задержавшуюся партию микролотов из Индии, которую мы ждали еще в прошлую пятницу. Дядя Миша на приемке ругается, говорит, документы заполнены как попало, но мешки привезли. Будем принимать или развернем обратно из-за нарушения сроков поставки?

Я вздохнула, открывая глаза. Бизнес никогда не спит, особенно когда тебе кажется, что всё уже настроено.

— Принимаем, конечно, Лео. Мы эту Малабарскую Индию три месяца выбивали под эксклюзив. Иди, помогай дяде Мише таскать мешки, а я сейчас выйду и лично проверю маркировку и посмотрю, что там с документами.

Оставлять путаницу в документах на завтра я не собираюсь. Контроль — это не паранойя, а основа успешного бизнеса. Контроль — это залог того, что твой капучино всегда будет иметь вкус премиального напитка, а не пережаренного суррогата. Захватив со стола ручку, я выхожу из кабинета и направляюсь напрямик к зоне приемки товара.

Задний дворик встречает меня запахом сырости, выхлопных газов грузовика и густым, пряным ароматом свежесжаренного кофе. Дядя Миша хмуро изучает помятую накладную. Он недовольно качает головой, сдвинув кепку на затылок.

— Вот посмотри, Лиечка.

Он всегда называет меня так, когда мы остаемся без посторонних, помня меня еще испуганной студенткой с первыми двумя арендованными метрами.

— Написано: десять мешков по тридцать килограмм. По факту — девять мешков нормальных, а десятый... Тьфу, недоразумение какое-то. Он мало того, что весит двадцать два килограмма, так еще и зашит не брезентовой нитью, а каким-то шпагатом волосатым. И воняет от него не робустой и не арабикой, а будто индийскую аптеку подожгли.

Я подхожу к деревянному поддону, на котором возвышаются мешки из грубой джутовой ткани. Девять из них действительно несут на себе четкие трафаретные штампы экспортера. Десятый же мешок лежит чуть в стороне. Он выглядит так, словно его вытащили из трюма пиратского галеона. Ткань темнее и плотнее, а из швов пробивается странный, плотный аромат.

В нем кофейные ноты намертво переплетаются с ароматом гвоздики, сладковатым сандалом и какими-то еще неизвестными, экзотическими пряностями.

— Ладно, дядя Миша, подписывай акт с расхождениями по весу. С поставщиком я завтра сама разберусь, выставлю им претензию по почте.

Я наклоняюсь и замечаю, что к горловине странного мешка бечевкой прикручен небольшой продолговатый предмет:

— А это еще что?

Я тяну за узел. В моих руках оказывается латунный футляр, плотно обтянутый потертой, потемневшей от времени коричневой кожей. Он увесистый и странно теплый на ощупь, словно его только что вытащили из кармана пальто, хотя на улице стоит прохладная питерская осень.

— Наверное, образец специй для кофе подсунули.

Дядя Миша запрыгивает в кузов и бурчит:

— Эти индусы вечно то чай свой суют, то карри. Ладно, Лиечка, мы с парнем заносим остальное на склад, а ты иди, не майся на сквозняке.

Вернувшись в свой тихий кабинет, я водружаю латунную находку на стеклянный стол. Любопытство всё-таки берёт верх, да и подарок от партнеров бросать не хочется. Я аккуратно расстегиваю кожаный ремешок и снимаю крышку футляра.

Внутри, обернутый в плотную рисовую бумагу, лежит небольшой свиток. Бумага настолько старая, что слегка крошится по краям. На ней красивым, ровным почерком на английском языке — явно скопированным с какого-то старинного трафарета — написано:

«Презент для мадам Лиш. Эксклюзивный ароматический blend для очищения пространства и привлечения благополучия. Использовать строго по инструкции».

Ниже идет короткий текст, со странными терминами:

«Зажечь в закрытом помещении. Обеспечить отсутствие сквозняков. Сосредоточиться на желании расширения границ. Не тушить до полного прогорания».

Из латунной находки я достаю плотный мешочек из темного бархата. Стоит развязать шелковый шнурок и заглянуть внутрь, как я вижу перламутрово-черный порошок. Он слабо поблескивает фиолетовыми искрами, словно в него подмешали мелко истолченный драгоценный камень.

Я усмехаюсь. Маркетинговые уловки восточных поставщиков порой переходят все границы разумного. Очищение пространства? Привлечение благополучия? Мое благополучие обеспечивают вовремя уплаченные налоги и качественная обжарка зерна, а не волшебный порошок.

Аромат, исходящий из мешочка, обладает странной магией. Он мгновенно взламывает мою привычную эмоциональную броню, вызывая целую лавину противоречивых чувств. Он приятен, вызывает улыбку и легкую эйфорию, местами оставляет послевкусие — горьковатый аромат, который слегка отталкивает, а потом обволакивает сознание и дарует свободу мыслей, освобождая сознание от контроля и чётких сроков и графиков.

— Ладно, в конце концов, сегодня великий день. Наша флагманская точка открылась. Я имею право отпраздновать это чашкой хорошего кофе и немного расслабиться.

Я выхожу в зал, где Лео уже заканчивает протирать сверкающую сталь кофемашины.

— Лео, оставь, я сама закончу. Вы с Аней можете идти, время уже начало девятого. Спасибо за работу сегодня, вы большие молодцы. Премияльные за успешное открытие будут в пятницу.

У ребят загораются глаза. Они торопливо прощаются, забирают вещи, и через пару минут за ними захлопывается входная дверь. Я поворачиваю тяжелый ключ в замке и остаюсь одна в огромном, полутемном помещении, освещенном только дежурными лампами над барной стойкой.

Я решаю сварить себе идеальный, эталонный капучино — мой личный праздничный ритуал. Беру зерно из новой индийской поставки, мелю его на топовой кофемолке с титановыми жерновами. Аромат молотого кофе оказывается невероятным — плотный, с нотами темного шоколада и спелой вишни. Я аккуратно разравниваю кофе в корзине холдера, делаю безупречный темпинг — рука сама выдает ровно пятнадцать килограмм усилия — и вставляю холдер в пазы.

Через несколько секунд в прозрачную стеклянную чашку текут две плотные, маслянистые струйки эспresso с насыщенной ореховой пенкой-кремá. Оставив кофе порционироваться, я наливаю в металлический питчер холодное жирное молоко и взбиваю его пароводной трубкой до состояния плотной, глянцевой пены, похожей на растаявшее мороженое. Несколько точных круговых движений, чтобы выровнять текстуру, и я тонкой струйкойвливаю молоко в чашку с кофе. На поверхности послушно прорисовывается безупречное классическое сердечко — мое личное подношение кофейному богу.

Вернувшись в кабинет с чашкой, я делаю первый глоток.

Вкус... взрывной. Лучший капучино в моей жизни. Плотное тело напитка, идеальный баланс сладости и легкой цитрусовой кислинки, долгое шоколадное послевкусие с тем самым странным, пряным шлейфом. Абсолютный пик моего успеха. Мой продукт совершенен.

Разнеженная теплом напитка и триумфом сегодняшнего дня, я смотрю на латунный футляр. Мой внутренний прагматик на секунду засыпает и уступает место обычному человеческому любопытству.

— Ну давай посмотрим, чем пахнет индийское благополучие.

Очередной глоток капучино оставляет божественное послевкусие. Я отодвигаю чашку и возвращаюсь к бархатному мешочку. Аккуратно насыпаю ложечкой немного перламутрового порошка на фарфоровое блюдо, формирую небольшую горку. Из ящика стола достаю каминные спички, которыми мы обычно зажигаем свечи в зале. Вспыхивает яркое пламя. Вершина горки искриться фиолетовым, выпуская тонкую струйку плотного дыма. Я беру пожелтевший листок, чтобы почитать инструкцию.

Инструкция на английском языке оказывается на удивление короткой, но чем дольше я в нее вглядываюсь, тем сильнее мне кажется, что буквы начинают странно двоиться.

«Шаг первый: Закройте глаза. Вдохните аромат трижды.

Шаг второй: Позвольте разуму отказаться от старых координат.

Шаг третий: Встречайте новый баланс».

— Ну и бред...

Я собираюсь отложить листок, но дым от порошка уже успевает заполнить половину моего небольшого кабинета, и ведет себя вопреки всем законам физики. Вместо того чтобы подниматься к потолку, к вытяжке, которая работала на полную мощность, плотная перламутрово-фиолетовая завеса начинает опускаться вниз, к полу. Она стелется по стеклянному столу, закручиваясь в идеальные, тугие спирали вокруг моей кофейной чашки и ультрабука.

Запах сносит крышу. Дым осязаемый, тяжелый, окутывающий сознание. В нем отчетливо читается аромат корицы, горьковатая сладость шафрана и смолистый шлейф сандала, которые перемешиваются с густым запахом вековой пыли старинных библиотек.

Я пытаюсь подняться, чтобы открыть окно, но тело вдруг перестает слушаться. Ноги наливаются свинцом, а в голове появляется странное, пугающее легкомыслие, будто я засыпаю на ходу.

— Что за...

Голос звучит глухо, будто я пытаюсь говорить под водой.

Я смотрю на бумагу в своей руке и тут у меня по-настоящему перехватывает дыхание. Чернила на пожелтевшем свитке начинают светиться тусклым, ровным фиолетовым светом.

Буквы прямо на глазах перестраиваются, ломаются, превращаются в угловатые, острые руны, которые двигаются по листу, словно живые насекомые.

Реальность за дымовой завесой начинает стремительно плавиться. Стены моего кабинета — мои идеальные полки с папками, моя маркерная доска с планами на квартал, мой сейф — вдруг покрываются идущими во все стороны трещинами, за которыми открывается бесконечная, мерцающая пустота. Лампы дневного света вспыхивают в последний раз и гаснут, но темнота не наступает. Всё пространство вокруг меня окрашивается в глубокий, перламутровый цвет грозового неба.

Стеклянный стол под моими руками растворяется, превращаясь в холодный туман. Чашка с недопитым капучино со звоном падает куда-то вниз, но звука разбитого фарфора я так и не слышу.

Я теряю опору под ногами. Кресло исчезает.

— Лео! Дядя Миша!

Пытаюсь крикнуть я, но из горла вырывается лишь сорванный шепот.

Я падаю. Падение медленное, как вязкое погружение сквозь бесконечные слои фиолетового дыма. Воздух вокруг становится плотным и до безумия ароматным. Меня кружит, переворачивает, земное притяжение больше не работает, а вместе с ним рушатся и все мои железобетонные представления о стабильности этого мира.

«Не могу понять, что происходит. Какая-то галлюцинация. Токсическое отравление неизвестным веществом. Нужно вызвать скорую... Нужно просто продержаться до приезда медиков», — мой прагматичный мозг до последнего пытается цепляться за логику, выстраивать рациональные объяснения происходящему кошмару. Когда мимо меня в фиолетовой пустоте медленно проплывает обломок деревянной полки из моей кофейни, на которой всё ещё стоит матовая пачка кофе «Эфиопия Иргачефф», логика окончательно сдаётся и я не нахожу никаких объяснений.

Я зажмуриваюсь, изо всех сил сжимая пальцы. В правой руке остается зажат обрывок той самой проклятой инструкции, которая теперь жжет кожу сухим, покалывающим теплом.

Сколько длится это падение — секунды, минуты или часы — я сказать не могу. В пустоте не существует времени. Бесконечный фиолетовый туман, пахнущий Индией и крахом всей моей идеальной, распланированной жизни.

В какой-то момент плотность тумана вокруг начинает пропадать. Я чувствую, что скорость увеличивается. Пространство вокруг светлеет, сменив фиолетовый цвет на грязновато-серый.

— Держись, Лия...

Я сгруппировываюсь перед неизбежным ударом о землю, которого нет.

В глаза ударяет резкий, непривычный свет — не мягкий диодный от моих ламп, а тусклый, рассеянный, какой бывает из грязного окна в пасмурный зимний день. Сверху на меня сыпется мелкая сухая труха.

Туман окончательно рассеивается, и я оказываюсь на чём-то осязаемом. По ощущениям это напоминает смесь старого тюфяка и кучи полусгнившего сена. Под моим весом раздаётся треск. Гнилые доски с глухим стуком разъезжаются, натянутые под тюфяком кожаные ремни лопаются, а из прорех ткани с сухим шуршанием сыпется солома. Облако вековой пыли поднимается вверх, заставив меня надрывно кашлять.

Я жива. Руки, ноги — всё вроде бы двигается, хотя спина отзывается ноющей болью. Я медленно открываю глаза, отплеываюсь от пыли и сухой соломы, и пытаюсь сесть. Вокруг меня определенно не мой уютный кабинет. Я вижу заброшенное помещение с низкими потолками, толстыми стенами и массивными деревянными балками, которые покрывает густая паутина. Пахнет сыростью, старой соломой, мышами и... сушеными травами.

Я сижу на обломках какой-то огромной, древней кровати, которая под моим весом окончательно испускает дух.

— Так...

Я выдыхаю, пытаюсь унять дрожь в коленях и приглаживая растрепавшиеся волосы.

— Карта лояльности мне здесь явно не поможет. Где я, черт возьми?

— В лавке ты, женщина. В моей лавке...

Совсем рядом раздается ленивый, чуть хриплый и крайне недовольный человеческий голос.

— И, судя по тому, что ты только что доломала мою любимую лежанку, грация у тебя как у мешка с овсом. Нацепила мужские порты, развалила чужую мебель — и сидит, пыль головой собирает.

Я замерла, медленно поворачивая голову на звук.

На старинном, покрытом толстым слоем пыли деревянном прилавке, прямо возле ржавых весов, сидит кот. Небольшой, уличный, невероятно растрепанный и пронзительно-рыжий. Его левое ухо слегка надорвано, видимо в былых боях, хвост недовольно ходит из стороны в сторону, а на заросшей мордочке читается такое выражение королевского высокомерия, какому может позавидовать любой топ-менеджер крупной корпорации.

Рыжий мини-лев безгласно отряхивает лапу от налипшей пыли, которая долетела до него, и пристально смотрит на меня круглыми, янтарными и абсолютно разумными глазами.

Глава 2. Сосисочный эквивалент

— Так, Лия, вдох-выдох. Без паники. Ситуация штатная. Ну... почти штатная...

Я сижу неподвижно, уставившись в серый дощатый пол, и старательно массирую пальцами виски.

Голова раскалывается, во рту чувствуется отчетливый привкус той самой индийской гадости, а изнанка ладоней зудит от мелких уколов сухой соломы. Я резко зажмуриваюсь, затем открываю глаза, досчитываю до десяти, и опять крепко зажмуриваюсь веки. Затем с силой щипаю себя за запястье, прямо чуть выше ремешка воображаемых смарт-часов.

Ничего не происходит. Под пальцами чувствуется вполне осязаемая, горящая боль, но декорации не меняются. Я по-прежнему сижу на груди обломков деревянного каркаса посреди пыльной, воняющей мышами и сухими травами каморки.

«Это просто сон, — заикливается в голове спасительная, единственно рациональная мысль. — Жесткое осознанное сновидение на почве переутомления. Я просто вырубилась в своём уютном кожаном кресле сразу после того, как Лео ушел. Двенадцать часов на ногах, торжественное открытие флага, нервы... Мозг просто не выдерживает и выдает защитную реакцию. Сейчас я досчитаю до трех, проснусь, выключу ноутбук и поеду домой на такси».

Я громко говорю вслух:

— Раз...

Ничего не происходит...

— Два...

— Три!

Меня резко одергивает и лениво подхватывает тот же хриплый, циничный голос со стороны прилавка.

— Женщина, если ты пытаешься исцарапать себя собственными ногтями — сделай одолжение, выйди на улицу. Мне тут пятна крови на полу совершенно не нужны, я только вчера пауков в том углу разогнал.

Я резко распахиваю глаза. Рыжий, ободранный кот с порванным ухом всё так же сидит на деревянной стойке возле ржавых весов. Он лениво вылизывает переднюю лапу, но его круглые янтарные глаза смотрят на меня с таким искренним, неприкрытым презрением, какое редко встретишь даже у налоговых инспекторов.

Я не верю и ледяным тоном констатирую:

— Ты мне снишься...

Я поднимаюсь на ноги и принимаюсь судорожно отряхивать свой бежевый пиджак от трухи и соломы. Костюм безнадежно испорчен серыми разводами грязи.

— Говорящих котов не существует. Это биологически невозможно. У вас отсутствует гортанная структура для членораздельной речи.

Кот медленно опускает лапу, замер и окидывает меня взглядом с головы до ног. Особенно долго его взор задерживается на моих зауженных брюках.

— Структура у неё отсутствует, надо же...

Он качает надорванным ухом и продолжает своё ворчание:

— Слышишь, чудо в мужских портах, если ты хочешь проверить, спишь ты или нет, у меня есть отличный, стопроцентный метод. Проверенный поколениями. Видишь вон ту стену? Разбегись хорошенько и впечатайся в неё лбом. Дурь и лишние иллюзии из башки вышибает на раз. Если после этого проснешься в своем... где ты там обычно спишь — с тебя причитается. Если останешься тут с пробитой головой — ну, по крайней мере, перестанешь задавать глупые вопросы.

Я непроизвольно делаю шаг назад. Совет идиотский, но то, как кот комбинирует слова, как двигает усами и как брезгливо шурится, пугает своей абсолютной, детальной реалистичностью. Мой мозг просто не может генерировать настолько сложную, объемную галлюцинацию с таким уровнем прорисовки шерсти и запахов.

Я хочу прояснения ситуации, хочу понять, что на самом деле происходит, хочу зацепиться хоть за какую-то логику. Увидев единственный источник света, я решительно шагаю к нему — высокому, узкому окну в толстой каменной стене. Стекло покрыто слоем вековой жирной грязи, сквозь который едва пробиваются серые силуэты.

Закатав рукав пиджака, я без жалости к костюму принимаюсь тереть небольшой участок. Грязь поддается со скрипом. Я прикипаю к очищенному кругляшку стекла и замираю.

Вместо привычного петербургского проспекта за стеклом раскидывается безумная, пугающая историческая панорама. Прямо перед лавкой идет кривая, узкая улочка, намертво забитая серыми булыжниками. По ней, понуро опустив головы, плетутся мохнатые тяжеловозы, которые тащат за собой скрипучие деревянные телеги с сеном и какими-то бочками. Мимо лавки торопливо шагают люди — мужчины в длинных шерстяных плащах с капюшонами, женщины в тяжелых юбках до пола и странных чепцах. Напротив, кособочатся двухэтажные дома с деревянными балками на фасадах и острыми черепичными крышами.

А над всей этой серой, сырой толпой высоко в хмуром небе плавно взмахивает огромными орлиными крыльями почтовый грифон. На его спине покачивается кожаный тюк. Он издает короткий клёкот и скрывается за шпилем массивной каменной ратуши.

Мой предпринимательский, строгий разум за запертыми дверями сознания забивается в глухой истерике.

«Нет, нет, нет. Это просто очень дорогой квест или масштабная проекция. Мой мозг пересмотрел сериалов. Я просто сплю», — думаю я, отказываясь верить собственным глазам, а вслух произношу лишь тихое:

— Этого не может быть...

Я разворачиваюсь, наплевав на все предупреждения кота, подхожу к массивной входной двери и дергаю на себя тяжелое железное кольцо. Дверь поддается со страшным, душераздирающим скрипом несмазанных петель.

В лицо мне мгновенно ударяет осязаемый поток сырого, холодного уличного воздуха, с ужасно неприятным коктейлем ароматов: пахнет густым печным дымом от дров, мокрой кожей, кислым запахом дешевой похлебки из какой-то таверны и отчетливым, резким запахом лошадиного навоза.

Я делаю два шага вперед, выхожу на неровное деревянное крыльцо, и оказываюсь под мелким, противным дождем. Вода мгновенно намачивает мои волосы, капли текут по щекам. Мне слишком холодно, слишком мокро, слишком по-настоящему.

— Эй! Мужчина! Подождите!

Я в отчаянии кричу первому попавшемуся прохожему — коренастому бородачу в грязном кожаном фартуке, который тащит на плече связку каких-то железных прутьев.

— Какой сейчас год? В каком мы городе? Какая это улица? Где здесь ближайшая станция метро или хотя бы автобусная остановка?

Бородач замирает как вкопанный. Он смотрит на мои зауженные брюки, затем переводит дикий взгляд на приталенный пиджак, а когда слышит слова «метро» и «автобус», на его лице отражается первобытный, суеверный ужас.

Мужчина резко отшатывается от крыльца, едва не роняя свои железные прутья, и зычно гаркает:

— Изыди, ведьма приبلудная!

Он судорожно перекрещивается тремя пальцами, плюет через левое плечо и чуть ли не бегом устремляется прочь по лужам.

Несколько женщин на другой стороне улицы останавливаются, начинают тыкать в меня пальцами и громко, возмущенно перешептываются, поглядывая на мои штаны с презрением средневековой инквизиции.

Не понятная реакция людей, моя внутренняя паника, холод и мерзкая погода, наконец-то пробивают мою железную защиту. Я пачусь назад, юркаю в темноту помещения и с силой захлопываю тяжелую дверь, повернув ржавый внутренний засов. Наваливаюсь спиной на холодное дерево, я тяжело дышу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.